

© 1992 г., ЭО, № 1

КРУГЛЫЙ СТОЛ

«КАК РЕШИТЬ ПРОБЛЕМЫ МАЭ?»

По просьбе редакции нашего журнала 18 июня 1991 г. в Ленинградской части Института этнологии и антропологии РАН было проведено заседание дирекции, своего рода «круглый стол», на котором обсуждалось состояние Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (МАЭ). В течение многих лет наш журнал, к сожалению, не уделял должного внимания жизни этого этнографического музея, и настало время исправлять ошибку. Считая, что научному миру важно знать о проблемах, с которыми связана многосторонняя деятельность старейшего музея страны, редакция публикует выступления участников встречи.

Н. М. Гиренко. Прежде всего наши уважаемые читатели не должны думать, что сегодня мы только впервые говорим о бедах нашего музея. Сколько уже было подобных обсуждений! Сколько высказано мнений, предложений. Многие годы администрация Ленинградской части института направляет письма, справки, докладные записки в разные инстанции — в Ленинградский научный центр, в Президиум АН СССР, пытаюсь привлечь внимание к неотложным нуждам музея. Мы обращаемся и к широкой общественности через публикации в газетах, журналах, передачи по радио и телевидению. Нельзя сказать, что наши запросы оставались совершенно без отклика. Время от времени Ленинградская часть получала средства на нужды МАЭ. Тем не менее сегодня музей находится в крайне бедственном состоянии. Я процитирую строки из заключения комиссии, которая после передачи Ленинградского телевидения («600 секунд») о временной утрате экспонатов в музее была организована Отделением истории АН СССР для изучения положения дел в Ленинградской части института: «Музей антропологии и этнографии („Кунсткамера“) — старейшее музейное учреждение нашей страны, созданное еще в XVIII в., в настоящее время находится в тяжелейшем положении, близком к катастрофическому. Свыше миллиона уникальных экспонатов, собранных со всех уголков мира подвижническими усилиями нескольких стечественных исследователей, хранятся и экспонируются в непригодных помещениях, нуждающихся в капитальном ремонте и кардинальном расширении в соответствии с государственными стандартами. В музее отсутствует эффективная охранная сигнализация, система пожаротушения».

Музею не хватает пространства. Нет места для экспозиций, для хранения коллекций. А то, что есть, во многом не соответствует элементарным нормам музейного дела. Зданию МАЭ почти 300 лет, оно в предаварийном состоянии. Обнаружилось, что уже много лет у нас была возможна авария: здание «не дышало». Сейчас мы последовательно прочищаем систему вентиляции. Разработана программа ремонта, но куда поместить на время ремонта коллекции? Еще более остро стоит вопрос об антропологических коллекциях, хранящихся в Андреевском соборе. Здание уже официально передано церкви. А куда нам вывезти коллекции? Комиссия Отделения истории правильно заключила: «Бедственное положение Музея прежде всего определяется отсутствием необходимого финансирования, запущенностью материальной базы и недооценкой его роли и научного значения». И раньше власти не жаловали вниманием наш музей, но сейчас

сложилась особая ситуация. МАЭ, как, впрочем, и все учреждения АН СССР, должен сам бороться за выживание. Речь идет не только об экспонатах и здании, но о науке в целом. Потеря сотрудника для нас — это часто утрата целого научного направления; надо обеспечивать преемственность поколений. Но мы не вольны сами определять свой штат. Ранее мы всегда знали, что работа наших специалистов будет обеспечена государством, а сейчас эта уверенность исчезла. У Академии наук нет достаточных ресурсов, чтобы обеспечить жизнь нашего учреждения, следовательно, науки. Вдобавок к этому издательство «Наука» требует, чтобы институт гарантировал возмещение расходов, если издание окажется убыточным. Все это вынуждает нас искать пути к собственной финансовой самостоятельности.

Мы заинтересованы в том, чтобы наш музей был известен публике не как «музей уродов». Хотим показывать наши этнографические коллекции. Для этого нужны альбомы, буклеты, открытки; несколько альбомов и брошюр уже подготовлены, их надо издать. Ведутся поиски связей с другими организациями. Сейчас мы учимся жить в новой, неблагоприятной обстановке. Самое сложное — найти разумное сочетание между деятельностью научной и коммерческой, чтобы ни одна из них не была в ущерб другой.

Т. В. Станюкович. Название «Музей антропологии и этнографии» сегодня не соответствует содержанию. Уже много лет по существу это музей зарубежной этнографии. Антропологический отдел экспозиции, который был гордостью нашего музея, давно не действует. Нужен новый план экспозиции «Происхождение человека и основные этапы развития человеческого общества»; прежний устарел. Надо восстановить нарушенную структуру. Экспозиция «Происхождение человека...» пользовалась громадным успехом. Она создавалась нашими лучшими авторитетами в области науки. Впервые оформленная до Великой Отечественной войны, после 1945 г. экспозиция была преобразована В. В. Гинзбургом и С. Н. Замятниным с участием Г. Ф. Дебеца и М. М. Герасимова и придиричиво обсуждалась на Ученом совете. Зачем музею отказываться от своих традиций? Надо вернуть эту экспозицию к жизни.

Однако по большей части проблемы МАЭ собственными силами нам не решить. Обратимся к этнографическим экспозициям. Они по существу не устарели, но неблагополучны в декоративном отношении. Требуется их доработка, пополнение, новое оформление. Все это упирается в материальное обеспечение. Раньше оформлением занимались свои художники, но теперь музеи используют тексты, исполненные типографским способом. Обновление экспозиций диктуется жизнью: меняются политические границы, устаревают карты; создание новых карт через Художественный фонд требует денег.

Научная работа, связанная с музеем, ведется. Например, в Восточнославянском отделе, как подтверждают и различные комиссии, документация на должной высоте. Сотрудники готовы создавать временные выставки, открывая доступ к ним специалистам и широкой публике, что необходимо ради популяризации коллекций. Но это возможно лишь вне стен нашего музея, в котором нет свободного пространства. Сотрудники Восточнославянского отдела за последние годы сделали много интересных приобретений, но новые вещи негде держать. Отсутствие условий для надлежащего хранения коллекций — это вопрос государственного значения; речь идет об отношении к национальному достоянию России. Гибнут ценности непреходящие, которые без помощи государства мы сохранить не сможем. Я всегда с хорошей завистью думаю о Московском палеонтологическом музее: у него сказочное здание. Неужели наши редчайшие этнографические коллекции менее значимы для страны, чем птеродактили? Да, нам надо учиться коммерции, но я не верю, что мы своими усилиями сможем построить новое здание для музейных фондов. Старейший музей, национальное достояние страны, заслуживает поддержки со стороны государства, всего общества.

И. В. Суслова. Мне приходилось быть во многих музеях нашей страны.

Немало так называемых провинциальных музеев в разных городах находятся в лучшем состоянии, чем МАЭ.

Т. А. Попова. Я хочу вернуться к экспозиции «Происхождение человека...». Это частный вопрос, но за ним общая для музея проблема: можно многое улучшить за счет четкой организации работы. Названная экспозиция действительно в удручающем состоянии. Ее закрыли по требованию пожарных. Но отдельные группы экскурсантов туда пускать можно. Мы получаем множество просьб о посещении именно этой экспозиции от учащихся — от средних школ до военных училищ. Я не согласна с мнением, что она потеряла свою значимость. Ее надо лишь переработать в свете последних находок и гипотез, и это в наших силах. Все упирается в организацию работы. Большая часть предметов для этой экспозиции взята из нашего археологического отдела.

Археологическое хранилище было основано в МАЭ как самостоятельный отдел в 1894 г., ему около 100 лет, постараемся отметить юбилей. Наши фонды — это такое богатство! У нас и палеолитические «венеры», и прекрасно сохранившиеся предметы бронзового века. Археологическое собрание МАЭ создано трудами нескольких поколений выдающихся ученых нашей страны. Подавляющее большинство материалов приходится на ранние этапы истории человечества. По сосредоточению самых древних памятников материальной культуры археологический отдел МАЭ занимает одно из первых мест среди музеев не только Советского Союза, но и мира. Археологи разных стран постоянно обращаются к нашим коллекциям. Но об археологическом отделе МАЭ можно лишь говорить — официально он не существует. История археологического хранилища МАЭ — классический пример того, как пренебрежение к сложившимся традициям музея, непродуманное изменение структуры приносит прямой вред делу. В послевоенные годы археологическое хранилище было объединено с антропологическим и переименовано в отдел антропологии и археологии. Потом этот отдел был упразднен вообще, археологическое хранилище введено в состав вновь созданного музейного отдела, а затем переведено в сектор научной пропаганды. Между тем археологический отдел реально существует, у него свои задачи и особенности работы. Возвращение ему статуса самостоятельного структурного подразделения послужило бы на пользу музею.

Есть еще одна проблема, показывающая трудное положение археологического хранилища. Комиссия Отделения истории АН СССР отметила в своем заключении: «Нормы хранения превышают общепринятые в 5—10 раз». Так вот, структурные изменения привели к тому, что всего два человека хранят свыше полумиллиона предметов археологических коллекций. Нигде в мире хранители не несут ответственности за такое количество экспонатов чрезвычайной научной ценности. Как мне сообщили, например, в Одесском археологическом музее на 92 тыс. предметов — штат 30 человек. При этом у двух сотрудников, обслуживающих археологическое хранилище, множество разных обязанностей. Мое мнение такое: должен быть наведен порядок в самой организации хранения. Институт в состоянии сделать это своими силами, здесь не нужна помощь извне.

А. И. Герюков. Круг наших проблем очерчен правильно. Из них очень важна финансовая, но она тесно связана с организационной, со статусом музея. Как отметила и упоминавшаяся комиссия, существующий статус музея не оправдал себя. Суть дела в том, что давно пора четко разграничить связанные с музеем функции — как между Москвой и Ленинградом, так и внутри Ленинградской части. Что сейчас получается? Как будто бы много людей занимаются музеем, а порядка нет, потому что нет ясно определенной личной ответственности за музей в целом. Я считаю, что следовало бы создать академический научный центр под названием «Музей антропологии и этнографии». Но эту мысль многие отвергают, значит, надо думать о том, что сделать, сохраняя сегодняшнюю структуру. Думается, что МАЭ должен быть самостоятельным подразделением института со своими юридическими правами, с возможностью торговой де-

тельности. Но до тех пор, пока все деньги держит в своих руках Московская часть и московский бухгалтер контролирует наши расходы, мы скованы. До сих пор трудно понять, какими суммами располагает Ленинград. Финансовые вопросы, связанные с музеем, можно оперативно решать в том случае, если в Ленинграде будет особое должностное лицо, всецело отвечающее за музей — назовем его условно заведующим или директором. И московская, и ленинградская администрации института загружены другой работой и не могут постоянно уделять должное внимание музею. Повторяю: сейчас музеем занимаются все — и никто конкретно. С сентября 1990 г. бурно обсуждается вопрос о возможном статусе филиала для Ленинградской части института, но никто из нас не видел ни положения о филиале, ни положения о музее, и есть опасность, что мы будем просто поставлены перед свершившимся фактом — бюрократическим решением проблемы.

Н. М. Гиренко. Краткая справка по этому вопросу. Комиссия Отделения истории записала в своем заключении: «Просить Отделение истории АН СССР ходатайствовать перед Президиумом АН СССР в качестве первоочередной задачи о необходимом преобразовании Ленинградской части в филиал Института этнологии и антропологии с предоставлением ему права юридического лица и права самостоятельной финансовой, хозяйственной, выставочной и внешнеэкономической деятельности». Мы сообщили комиссии свои соображения о статусе филиала и МАЭ; я думаю, что никакое решение без согласования с нами невозможно.

О статусе МАЭ, действительно, есть разные мнения. Так, в комиссии Отделения истории не сложилось ясной точки зрения. Часть членов комиссии высказалась за сохранение связи музея с институтом и за «создание комплексного научно-музейного учреждения с равным статусом научных и музейных подразделений в его структуре — под условным названием „Институт и Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого“». Сказано немного сложно, но суть дела ясна: та же структура, но с равным статусом музея. Другая часть членов комиссии сочла необходимым преобразовать Ленинградскую часть Института этнологии и антропологии в Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого — самостоятельное научное учреждение, приравненное к академическому институту первой категории с сохранением за ним сложившихся научно-исследовательского профиля и научной проблематики».

Моя позиция — не ломать сложившуюся структуру и упорядочить статус МАЭ. Жизнь нашей Ленинградской части основана на взаимодействии научных подразделений с музеем. Судьбу МАЭ нельзя отделить от судьбы института в целом. Я не считаю целесообразным и отделение Ленинградской части от Московской. Если это случится, то не пойдет нам на пользу. Весь смысл поиска новых организационных форм в том, чтобы Ленинградская часть могла максимально использовать свои возможности для развития научной и музейной деятельности. Для нас очень важно единство взглядов, взаимопонимание между Московской и Ленинградской частями института.

Т. В. Станюкович. Стремление превратить Ленинградскую часть только в музей недостаточно хорошо продумано. Это отсекло бы нас от широкой научной деятельности. Судьбу МАЭ нельзя решать без уважения к сложившимся традициям. Наш музей всегда был основой для научного учреждения. Экспозиции, выполненные специалистами, отражали последние достижения науки. Ученые создали столь высокую репутацию музею, что он по существу превратился в научный институт. Эта традиция сохраняется и по сегодняшний день. Если Ленинградская часть станет музеем, коллективу трудно будет удержаться на должном высоком научном уровне.

Т. Я. Ходова. Важный участок работы музея — реставрационная служба. Сегодня мы в муках пытаемся создать ее. В муках потому, что даже какие-то достижения вызывают новые проблемы и трудности. Теперь, наконец, в МАЭ будут четыре реставратора вместо одного. Но их где-то надо разместить, чтобы

затем обучать специфике музейной работы. У нас нет инструментов, бедственное положение с кистями, кончились материалы. Привычная официальная система снабжения распадается на глазах, и надо находить иные пути, попутно пересматривая и свои взгляды на проблему обеспечения. Но даже если удастся создать удовлетворительную службу реставрации, это не спасет дела. В музее нет приличных условий для хранения вещей, экспонаты гибнут. Отреставрированные коллекции поступают в непригодные для хранения помещения и вновь начинают портиться. Так мы возвращаемся к проблеме хранения фондов. Пока нет нужных помещений и оборудования, мы в заколдованном кругу.

Я согласна, что надо учиться зарабатывать деньги. Но надо и ясно представлять себе, какой ценой могут быть добыты эти деньги. Один из верных и доступных музею путей получения средств — зарубежные выставки. Но с выставками экспонаты вовлекаются в интенсивный оборот. Они меняют привычную обстановку, подвергаются изменению температуры, влажности, испытывают толчки и вибрацию. Это не на пользу вещам. Некоторые коллекционные предметы возвращаются после выставки разрушенными. Надо уметь паковать вещи.

Делом первостепенной важности, не требующим затрат денежных средств, является упорядочение статуса нашего музея. Это создаст основу для правильной организации музейных работ. Музей должен быть выделен как особая структурная единица. Нужен директор МАЭ — человек, стоящий во главе всей разнообразной деятельности музея.

И. В. Сусл ова. А с кем будет работать этот человек? Музейная работа стала неprestижной. Сотрудники не хотят отвечать за экспозицию. Ехать с выставкой за рубеж желающих всегда очень много, а черновая работа по музею энтузиазма не вызывает. Следует поднять престиж музейной работы. Для этого не нужно ждать помощи президиума АН СССР или других учреждений, это в силах решить сам институт. В заключении Комиссии Отделения истории АН СССР правильно сказано: «Проблема состояния музея и музейная работа оказались на периферии деятельности института».

Т. В. Ст а н ю к о в и ч. К сожалению, это все правда: статус музейного сотрудника очень низок. Я встречалась с нежеланием ряда ответственных лиц в структуре нашей академии приравнивать работу по созданию экспозиции к научной публикации.

Л. Р. П а в л и н с к а я. В начале века наш музей вполне соответствовал тогдашнему уровню музейного дела. Но с тех пор музейное дело ушло в своем развитии далеко вперед, а МАЭ остался на месте. Для нашего музея сейчас две проблемы главные: финансы и кадры. Нет сомнения, мы должны «делать деньги», но только теми способами, которые естественно связаны с популяризацией науки, с нашей непосредственной работой. Здесь справедливо говорилось об особых трудностях современного периода. Соглашаясь со сказанным, все же предполагаю, что мы использовали не все возможности получить помощь от Академии наук СССР. В этом году Музей Ломоносова получил 600 тыс. руб. на ремонт башни. Была передана в президиум смета расходов — и через год были выделены деньги. Я думаю, что мы большей частью обращаемся с запросом о деньгах, не обосновывая свои нужды ясными расчетами.

Состояние с кадрами у нас столь же неудовлетворительное, как и финансы. Фактически подготовка музейных специалистов кончилась на моем поколении. Сейчас средний возраст музейного работника в МАЭ — 50 лет. Prestиж этой профессии низок. Вот только что завершила свою деятельность в институте аттестационная комиссия. Насколько мне известно, никто из сотрудников не получил повышения за музейную работу. Музей должен быть базой для научных исследований, но наука не должна вытеснять музей. У нас же музей оказался как бы на задворках института. Это хорошо видно и по содержанию «Сборников Музея антропологии и этнографии». Посмотрите выпуски последних десятилетий:

до 1970-х гг. уровень музейных публикаций был высок, а затем произошел резкий крен в сторону «чистой» науки. Эта тенденция заметна во всех областях жизни нашего института; научная работа преобладает над музейной, и это приносит МАЭ вред. Здесь говорилось об экспозициях. Обратитесь к своей памяти: как часто за последние 10 лет мы обсуждали планы экспозиций на ученых советах? Сейчас необходимо создать совет по музею, который должен утверждать экспозиции. Будет очень нелегко подыскать компетентных людей для этого совета. Я считаю, что музей начисто вычеркнут из жизнедеятельности коллектива.

Да, мы не должны менять концепцию музея. Не нужно менять принцип экспозиции. В МАЭ сложился свой стиль, оправданный историей, особенностями нашего музея. Культуру народов мира надо показывать в той же изобразительной форме, которая была удачно найдена годы назад. Все эти вопросы можно вновь и вновь обсуждать. Но музей сохранит свое лицо только в том случае, если его служители — музейные работники — будут ощущать важность своего дела, если в институте изменится отношение к музейной работе.

В. Н. Басилов. В связи с подготовкой разных этапов выставки «Кочевые народы Евразии» я работал с коллекциями МАЭ в течение 10 лет; поделюсь своими впечатлениями о музее. Нетрудно увидеть, что музей не находится в центре внимания института. Отсутствие средств и помещений — это страшный факт, который предопределяет запустение музея. Несомненно, только государственное финансирование может быть основой нормальной деятельности МАЭ, и необходимо делать все возможное для того, чтобы музей получил нужные средства для своей реанимации. Но я хотел бы говорить о другом. Я согласен с теми, кто думает, что и в сложившихся условиях можно кое-что сделать собственными силами. Я имею в виду хотя бы оформление экспозиций: некоторые экспонаты оставлены без пояснений, этикетки нуждаются в замене. Фоном для предметов в ряде экспозиций служит выкрашенная масляной краской стена или плита из прессованных опилок. Давным-давно надо было снабдить русские подписи к предметам и тексты английским переводом. Вообще посетители могли бы получать гораздо больше информации о разных народах из текстов, размещенных где-либо вне витрин на стенах. Все это неблагополучие, заметное невооруженным глазом, говорит об отношении к музею, которое сложилось в самой Ленинградской части института. Что касается способов добывать дополнительные средства, то надо обратиться к оправдавшему себя международному опыту. Музеи обычно продают книги, в том числе и свои издания, альбомы, путеводители по залам, разного рода сувениры, проводят выставки, организуют циклы лекций. МАЭ должен в первую очередь освоить эти пути, хорошо известные многим музеям нашей страны.

Хотя по отдельным вопросам участники «круглого стола» высказали неодинаковые мнения, обсуждение очертило основной круг трудностей, препятствующих полноценной деятельности коллектива МАЭ и Ленинградской части института этнологии и антропологии в целом. Редакция выражает надежду, что публикация материалов «круглого стола» будет способствовать решению ряда проблем, стоящих перед Музеем антропологии и этнографии.

Подготовил В. Н. Басилов

How to Resolve the Problems of the Museum of Anthropology and Ethnography in St. Petersburg?

A brief report is given of a meeting of museologists and ethnographers which took place in St. Petersburg in the autumn of 1991. The difficulties hindering the work of the Museum were discussed as well as possible ways of surmounting them.

V. N. Basilov